

Виктор Брусницин

Соло хором

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Брусницин В. М.

Соло хором / В. М. Брусницин — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Две подруги в пору окончания школы и дальше. Одна энергичная, целеустремленная, циничная, другая воспитана иначе. Перипетии и будни. Обстоятельства взросления и среда. Уроки становления личности, поиск пути.

Юля оступилась: асфальт был характерен выбоиной.

– У, блин! – Остановилась, ухватила за Дашу, подняла боком ступню, осматривая туфель. Отпустилась, напористо зацокала.

Девушка Юля рослая, с развитой грудью – статная. Смелоликая и вообще подверженная постороннему взгляду – никак, словом, не десятиклассница. Даша вот соответствовала.

Стояла небольшая осень. Ветерок удался вкусный и игривый, вяло шлялись по асфальту челночки листьев, рябил бурый глянec пруда, окаймленный ряской листопада, громоздкие, размазанные облака съедали постную синеву неба. Народ смотрелся загорело и молодо, задорно перемещался к концертному залу с целью обзавестись эмоциями от заезжих музыкальных фаворитов. Мороженое употреблялось нашими девочками.

Некая ладонь сзади мягко шлепнула Юлю по правому плечу. Был произведен большого достоинства поворот головы влево и сказано:

– А, Славка – привет.

Слава Лямин, соратник с заоблачного уже второго класса. Рядом с ним присутствовали Санька Епишев, нескладный верзила, худой и мосластый, и противоположный по размерам прыщеватый и симпатично кудрявый очкарик Лешка Поздин. Все – одноклассники.

– За привет мороженку, – плотоядно взирая отнюдь не на сам продукт, претендовал Слава.

Юля скривила щеку.

– Щаз! Облезешь и обрастешь неровно.

Лямин возмутился:

– Нет, что за дела! Классик-хор, на продвинутый музон – я же продам в легкую. Мороженку быстро!

Юля скрестила глаза на эскимо, вожделенно лизнула.

– Отдыхай, Слава.

– Ты чё такая курок, Юлька! Дай хоть откусить-то!

– Слав, а полаять?

Даша протянула Лямину огрызок.

– На, Славик. И думай уже о хорошем – когда-то надо начинать.

– Во Дашка – чел, – воодушевлено рассуждал Слава, глубоко хватив съестное. – Я схваю это за твое самое женственное. А тебя, Юдина, я буду иметь в виду.

– Вали, имеля – тебя ждут на бесплатных сайтах, – благорасположенно советовала Юлия. Ребята загоготали, дурачились.

– Люди, а чего мы так рано премся? Еще час до начала, пошлите на Яму, – оборвал возникшую паузу темпераментный Слава.

Шатия вопросительно воззрилась в Юлю. Та соблаговолила, царственно тронувшись в обозначенные пределы. Ребята, пульсируя и держась чуть сзади, соблюдали темп, периодически выныривая за фронт степенно шествующих девочек. Вылупилось постепенное солнце, замечательные тени, освежающие архитектурного свойства пейзаж, поступательный и не так чтобы конкурентоспособный люд, да и сам город получились уместны.

Шел юноша навстречу, улыбкой обременился, увидев компанию.

– О, Димыч! – воскликнул Лямин.

Дима застопорился на подходе, тянул руку. Аналогично поступили парни – девчата шаг не замедлили. Впрочем, Даша повернула голову к встречному, на «Привет, Даша» кивнула с улыбкой. Юля молча сделала мазок взглядом, цепкий. Пока ребята занимались рукопожатиями, девчонки существенно прошли вперед.

– Чего это он тобой поздоровался? – не воздержалась Юля.

– Димка, мы вместе в лагере были. Он в сто тридцатой учится, рядом со Славкой живет.

– Да я его видела... Симпон. Только маленький.

– В каком смысле? – повысила голос Даша. – Он тоже в десятом!

– А я о чем? Да и ростом не бойкий.

Ребята стронулись. Дима по приглашению Лямина присоединился.

Плюхнулись на одну из скамей населяющих Исторический сквер – ухоженную набережную, благородно оформленную гранитом, опущенную ниже рядом расположенной плотины – центр города. Лешка отделился и у кромки берега, сидя на корточках, что-то изучал в стремительном потоке воды. Лямин, опершись одной ногой о скамью, стоял, возвышаясь над остальными сидящими. Дима скромно держался на краю, девочки по другую сторону от Славы молчаливо хрустели чипсами.

– Ты чё, он сабвуферы бостоновские намедни поставил – шесть косарей штучка. Низкие – любезно по почкам, – пылил Лямин Саше.

Саша, лениво развалившись и хмуро уставившись в облака, курил.

– Во-первых, он гнида, во-вторых... он гнида.

– Это в третьих, – негодовал Лямин. – А бабок-то – умотаться! Димыч, скажи!

Дима был сосредоточен и интереса к беседе не обнаруживал.

– Что именно?

– Ну про бабки, у него же батя по землеотводам.

Дима согласился:

– В третьих.

Лямин сопротивлялся, но уже без отчаянья:

– По любому, шесть косарей – это конкретно.

Саша хлопал пальцами по крыльям носа – видно, щекотало в носу – гнусаво и равнодушно доводил до сведения:

– Я тебе давно говорю: пора банковским делом заниматься. Ты же у нас хакер круче Митника, у тебя призвание.

Это сообщение Лямина озадачило, он задумчиво окунул взор в дали. Нашел мысль, просветил, изобразив подобие улыбки:

– Между прочим, пацаны, у меня есть призвание – быть сыном олигарха. Как с утра встаю, так до вечера призываюсь.

Захихикал. Парни холодно его поддержали.

Юля нынче была серьезной. Не иначе по этой причине посмотрела на ребят туго. Бросила пустую пачку в урну, отряхнула ладони. Встала, стройно и деловито зашагала к скамье, что расположилась наискось впереди.

Здесь сидели две старушки. Одна имела претенциозный вид – хотелось подозревать почившего мужа, безусловно, выдержанного партийца, собственно, работника госаппарата. Вторая состоялась согбенная, низенькая, опрятная. Ну, что-нибудь проектировочное, либо библиотечное. Они комками беседовали, периодически интимно клонясь друг к другу, за чем угадывалось тугое ухо. Никакого сомнения не возникало, что речь шла о нерадивости и даже не бескорыстии нынешней власти.

Юля уселась рядом. Бабули, не заподозрив покушения, судачили об актуальном. Лямин сделал замысловатый жест рукой, неимоверно выкрутив шею в сторону соученицы, посулил ликующе:

– Юлька прикалываться будет.

Тотчас развернулся и вкрадчивой походкой поспешил к месту действия. Осторожно подошел к скамье, остановился неподалеку сзади фигурантов. Обернулся к ребятам и призывно махнул рукой. Саша громоздко поднялся и последовал с невеликой улыбкой, Дима чуть задержался, особой заинтересованности физиономия не отобразила. Последней поступила Даша, предварительно обшлепав руки над урной.

Раздалась четкая речь Юли:

– Здравствуйте. Извините, а можно я поинтересуюсь?

Первая бабуля нескладно и долго переустанавливала тело. Добилась своего.

– Да, разумеется.

Чист и исполнен уважения был голос Юлии:

– Я иногородняя, мы с классом из Тугулыма приехали, а я... ну, не то что потерялась, а как-то не люблю массовку. Вот прошлась по центру – очень здесь понравилось. Грациозные ДеГеннин с Татищевым, эта набережная – лаконично и достойно. Осень – шуршание листья под ногами, насыщенная прохлада, меланхолическое очарование. Вы не находите, что это чрезвычайно музыкально?

Бровь старушки участливо шевельнулась.

– Как вы чудесно подметили – именно очарование, и несомненно музыкально... Архитектура – застывшая музыка, так, кажется. Откуда вы, милочка? – простите, я не расслышала.

Юля до крайности вежливо склонила голову.

– Тугулым. Это на границе с Тюменской областью.

– Тугулым, ах да, что-то такое припоминаю, – охотно пропела бабушка. – Ну как же, мой внук ездил туда студентом на картошку.

В акцию внедрилась вторая, потрясала головой настоятельно.

– У нас замечательный мэр. Город просто на глазах расцветает.

Первая неожиданно живо крутанулась к ней, укоризна читалась на лице.

– Роза, ты опять за свое!.. – Обратный разворот совершился медленней. – Не слушайте, хорошая моя, администрация – вор на воре. Понастроили дач, а пенсии – слёзы... Нет, я не говорю – демократия, свобода. Но идеалы!.. Значит, Тугулым. Так о чем вы хотели спросить?

– Относительно музея изобразительных искусств. Он где-то здесь, в центре. Там выставка Дали.

– Дали? Что вы говорите! Знаете, я даже не в курсе. Музей неподалеку, я объясню...

Юля расстроилась:

– Ну как же, выставка скульптур Дали – я очень интересуюсь. Сюрреализм – это так созвучно Российской действительности... – В голосе обнаружился пафос. – В какое странное время мы живем, какой замысловатый конгломерат – прогресс и архаика массового сознания, глобальные тенденции и приоритет индивидуальности. Каверзы самореализации, наконец, обусловленные чудовищным расслоением и диссонансным спектром возможностей.

Глаза бабушки тускло вспыхнули.

– Ах, как любопытно!

– Я подозреваю, что живя в провинции мы получаем обостренный взгляд. Из мегаполиса, думается, многого не видно – лицом к лицу... А у нас. Так ноет сердце, так напрягаются мышцы, так просит душа! Двигаться, творить во имя.

Губы бабули зашевелились в умилении:

– Как отрадно видеть в юном создании такие интересы.

Юля придвинулась, звук приобрел нутряное.

– Вы задели власть, мне это близко. Я, знаете ли, активист очень популярной у нас партии. «Мы – вправим». Вы конечно знаете.

Саша и Лямин схватились друг за друга, беззвучно подпрыгивали. Даша улыбалась. Дима тоже – совсем слабо. В глазах бабушки затомились сполохи любопытства.

– Как, простите? Мы в праве? Что-то незнакомо.

Юля, невозмутимо:

– Ну как же – мы вправим. Слоган: наш авангард горазд на передок – за ним в движении члены в напряжении. Сподвижники – сплошь путаны, последователи Путина. Да и тылы отменные – Моисеев, иже с ним.

Лямин бился головой о плечо Саши. Даша тряслась, закрыв глаза.

Старушка несколько отклонила голову, огонь в глазах потух. Смотрела недоверчиво, однако с остатками улыбки. Инициативу, воспользовавшись моментом, ухватила вторая:

– Моисеев, Игорь? Прекрасный человек.

Первая растерянно уронила:

– Послушайте, милочка, вы что-то не то говорите.

Юля придвинулась еще.

– Девочки, а что если по колёсику загрузить? Экстази, я угощаю. Улёт гарантирую стопудово. Квинтэссенция свободы, в натуре, концентрированное воплощение реальности. А? девчонки!

Первая отклонилась уже корпусом, улыбка медленно слезла с лица.

– Послушайте, почему вы себя так ведете?

Она отвернулась, наклонилась, принялась тяжело вставать. Потянула за рукав подругу.

– Роза, пойдем... – Чуть повернулась к Юле. – А вам, деточка, должно быть стыдно. Мы все-таки не в том возрасте, чтоб розыгрыши ваши терпеть.

Вторая тоже поднялась, кажется, не понимая. Подхваченная коллегой захромала мелко прочь.

Лямин вытирал глаза, Даша глянула на Юлю и отвела взгляд. Та продолжала сидеть, глядела бабушкам вслед. Встала, шевельнула покаянной губой:

– Черт, переборщила... – Ожила. – Славка, дрянь такой, с тебя кола за спектакль.

Слава сиял мокрыми глазницами.

– Деточка, какой вообще базар... – Мелькнул взглядом на часы. – Слушайте, время – пора двигать.

Классик-хор «Аврора» располагался в двухэтажном здании комнат на двадцать, бывшем детском садике, и был организацией созданной и существующей на почти патологическом энтузиазме ее руководителя Буланова Валерия Георгиевича. Хор – девичий. Приурочен был к общеобразовательной школе – это являлось вещью принципиальной, ибо идея Буланова состояла в том, что любой ребенок суть существо одаренное и способное при умной организации процесса на проявления. Хористками соответственно были в основном учащиеся этой школы (другое дело, что, например, Даша в «Аврору» попала учась в другой школе, а потом уже ради удобства перевелась). Заметим, что хор с течением времени обзавелся прикладными штуками: классом фортепьяно, баяна и прочим, что, по всей видимости, придавало затее более достойный статус и влияло на вещи бюджетно-бюрократического свойства.

Даша в заведение угодила после четвертого класса по просьбе мамы. Коллектив посещала соседская девочка, и родительница той рекламировала его беспощадно. Мама Даши по интеллигентности соорудить отпор не сумела и уговорила дочь попробовать, надеясь на охлаждение доброхота после выполненной задачи. Однако Даше катавасия пришлось по нутру: к звукоизвлечению разного рода она оказалась пылкой, и в итоге пошла, помимо вокала, осваивать фортепиано.

Представляется нелишним упомянуть такое. Дашин папа ударился играть в теннис, затащил домочадцев, а также своего друга со студенческой скамьи Евгения. На этих мероприятиях, имея манеру говорить много и на самые разные темы, друг семьи пустился донимать Дашу, чтоб она уселась за собственные музыкальные сочинения, чего и добился. Сказано к тому, что Даша состоялась девочкой, похоже, ведомой. Остается признать, Юля получилась противоположной.

Коля Юдин, отец Юли, служил шофером на оптовой базе. С механиком вась-вась, выходит, рейсы имел доходные. Уважением пользовался беспрекословно, в междусобойчиках был немногословен, но весок; а, скажем, в сопатку всякому молодому нахрапистому устроить – это

с почтением. Родимой не гнушался, но умеренно – утренний врач, сами понимаете. Юльку шпынял.

Юля и хор. Тут все просто: Юля пела, танцевала, говорила, показывала. Она была везде и всегда. И жила рядом со школой. То есть хор девочку не употребить не имел возможности. Когда, после шестого, Даша перевелась в «сорок третью» и попала в Юлин класс, услышала со стороны той следующий вопрос:

- У тебя папа кто?
- Юра, – простодушно сообщила Даша.
- Ты чё, тормоз? Кем работает, я спрашиваю?
- Преподает в институте.

Губы Юли плотно сомкнулись и придвинулись к носу, что выдавало размышление. Уста разомкнулись:

- А мама?
- Архитектор.

Губы повторили действие, собственно и взгляд потух. Тем не менее вердикт был оглашен такой:

- Ну ладно, со мной сядешь.

Мама Юли работала в развлекательном комплексе «Водолей», и была внешне невероятно похожа на дочь. Существовал еще брат, Миша – загадочная личность, двадцатидвухлетний парень ядреных проявлений: он никогда нигде не работал и всегда был при деньгах. Таких в российской действительности называют крутыми. Иными словами, сентябрь случился прозрачным и перспективным.

Таки хор. Сорок девиц двумя шеренгами заполняют класс, сосредоточив взгляды на Валерии Георгиевиче, изящными и предусмотрительными жестами отмеряющего поступь времени. Сумма голосов насыщает пространство. «Пение – это организованный крик», – сказано. Крик – действие, добытое сосредоточенным напряжением. В общем, получили систему звуков, выбранных из поступков природы и тщательно облагороженных человеческими усилиями с целью подтвердить тот факт, что жизнь случается положительным занятием. А возьмите, когда за окном уныло рядит дождь, и панкообразная собака стоит неподвижно, ожидая неизвестно каких приключений, и, периодически челночно винтя себя, стряхивает водяные нагромождения – ну дура же – чтоб сейчас же озаботиться подобными.

- Юлинька, напирай! Форсируй, милая! – samozабвенно машет рукой Буланов.

Выводит, замороженная пассами, центральная Юля, вонзилась, сведя брови и грозно не мигая, в руководителя. С края тащит низкую партию ответственно и усердно Даша, сомкнув на крестце руки и вытянув шею.

Юля и Даша неторопливо шли по улице, горбились рюкзаками. Сразу над крышами висела каша туч, настолько позорная, что было непонятно – чревата ли дрянь дождем. Впрочем, еще не опавший лист был тяжел и асфальт волгл, Юля по нему чавкала. Шумной, насыщенной рыком машин тишины она не выдержала:

– Валерий заманал... – Ядовито передразнивала: – Юлинька, дави бронхами! Откинь голову – расправь голосовые складки! Ты не работаешь!

Даша умирала по возможности.

– Ты же солистка – естественно. Меня вообще на низкие поставили.

– С этими ломками – неизвестно еще у кого какой будет. Ты чувствуешь, что голос меняется?

– Не-а!

– А у меня что-то есть – незнакомые какие-то тембры...

Даша внимала, глядя на подругу, здесь опустила глаза, молчала. Юля продолжила:

– Я бы пошла на вторые – меньше надрываться. Такой хлам этот наш хор.
– Сашка Власова, Катя Шилова – уже в консерваторию поступили, а все равно участвуют.
– Господи, Дашка! Ты только вслушайся: классик-хор – это же отстой крошечный! Загранпоездки бесплатные, неужели не ясно? Я вообще не понимаю, как тебя еще и на фортепьяно угораздило. Я бы сдохла... Хотя... на экзамене ты Рахманинова выдала – прикольно.
– Ну да, мне нравится... и петь нравится. А ты что ли после школы участвовать не будешь? У тебя же данные.
Юля закатила глаза.
– С какого перепуга!!
После заявления Юля шествовала гордо и молча. Пришла мысль, обстоятельная: в голосе звучало вождение.
– На «Фабрику» бы попасть!..
Вздыхнула, тон пошел рабочий:
– Нет, светиться конечно пора – в тусу как-то надо просачиваться. – Юля искоса посмотрела на подругу. – Слушай, ты ведь умненькая, придумай ходы... – Разжилась страстью. – Давай в Областную газету статейки какие-нибудь крапанем! Там и на телевидение постепенно прорвемся – мне сведущие люди расклад давали! А?
Даша существовала где-то не здесь:
– Какие статейки?
– Да любую фигню. Ты же креативная.
Даша чуть ожила.
– Ой, Юль, я не знаю...
Шлепала та по асфальту звучно.
– Блин, интервью бы взять у звезды! – Остыла мгновенно, простонала: – Но Джессика Симпсон в последнем клипе – я в коме!

Убранство комнаты Даши состояло из дивана, который и эксплуатировали хозяйка и Юля, развалившись плечами ленно и удобно на подушках, прислоненных к стене. Из фортепьяно и гитары, приставленной к боковине громоздкого инструмента. Прочего, которое несущественно.

– Может в кино пойдём? – повернула голову Юля.
Даша наморщила нос.
– Да ну, я уже всё на дивиди пересмотрела.
– Фи, на дивиди – туфта.
– Мне папа качественные диски берет.
Юля неловко встала с лежанки, пустилась челночно ходить.
– У тебя вообще папик путевый... – В глазах мелькнул блик. – Не то что мой – плющит, блин. – Подумала. – Если б не мамка... я б его зарезала!
Даша подняла глаза.
– А брат?
Юля будто задумалась, что же такое брат, даже остановилась. Тронулась:
– Да ну, Мишка – ему до фонаря.
Даша согласилась:
– Он вообще какой-то отчаянный.
Юля тем временем совершала некие танцевальные движения.
– Приколись, чем я не Мисси Элиот.
Уголки рта Даши шевельнулись в подобие улыбки.
– Габаритами?

Юлька замерла, грозно вытаращила на подругу глаза, кинула в нее сорванный со стола бумажный комочек.

– Умри, подлая рожа!

Даша засмеялась. Юля бухнулась на кушетку рядом с ней, лезла с масляной улыбкой, щекотала.

– А что – нравится Мишка? Колись!

Даша сжала перед собой руки, не даваясь, хихикала:

– Да ну тебя!

Юля откинулась, бессмысленно смотрела в потолок. Затем перевалилась и достала гитару, сунула ее девочке.

– Спой свое что-нибудь.

Даша взяла гитару, сидела неподвижно, наконец сделала аккорд, следом переборы. Сосредоточилась, запела голосом небольшим, точным:

– Воздух вздрогнул и споткнулся свет, ветка ивы наклонилась вдруг, шепот ласковый пополз вокруг – ветер. Рот открой и отвори глаза, ветер слепо залетит в ладонь и по телу пробежит огонь – видишь! Запахи даст, что живут не в твоих садах, чьей-то тоской прикоснется к твоей щеке, тайной чужой пробежит по твоей руке, сказку расскажет, споет о чужих мечтах...

Даша умолкла, видя, что подруга отвернулась равнодушно. Юля уныло подтвердила:

– Этой уже года два. Новенькое есть?

Даша смотрела в стену, молчала. Сделала аккорд, пошла песня.

– Было весело, прыгал луч, била музыка, тело четкое дергалось, ерзало. Мы с девчонками терлись кучкою небрежно. Ты прикинутый, ты крутой чувак, в голубых глазах и с басом, – ты подошел, процедил в напряг: «Танцанем на сто баксов»...

Даша усилила звук гитары, ритм стал насыщенной.

– А море сохло с криком «Аморе», смущая поступком таким аморальным. В такую же хворь ударялась флора, решали мы тоже вопрос кардинально. Сердечно то есть. А как иначе! Ведь даже звезда ронялась упорно, и листья валились с берез тем паче, и в озере плыли в мороке горы. Дорога в экстазе стезилась в дали, снежинка дождю изменяла – о горе! Мы выживем в этих страстях едва ли, а ветер припадочно выл: «Аморе!»

Даша оборвала песню, на подругу не глядела. Юля, лежащая сначала вяло, к последним словам села, круто повернувшись к исполнительнице и глядя пристально.

– Это всё? – в голосе звучал искренний интерес.

– Нет, первый куплет.

– Ничего себе. Когда сочинила?

– Ну... недавно.

– Ничего себе! – Сказано было напористо.

Перемена. В классе имел место гам, свойственная темпераменту десятиклассников суматоха. Юля стояла подле окна, смотрела в него – задумчивое утро занимало улицу. Подошел Лямин, смахнул с ее плеча соринку.

– Юдина, мусор бачу. Он на тебе неплохо смотрится.

Юля передернула плечами:

– Юноша, мойте руки – они в чупа-чупсах.

– Ладно, уговорила, женюсь. Только составим брачный контракт.

Юля напыщенно изобразила лицом презрение, добавила тоном:

– Вячеслав, пошли бы вы...

Слава не стушевался:

– Пока не уточнишь куда, не пойду.

Юля моргнула, сквозь узкие веки стрельнули зрачки.

– В туда.

– Заманчивое предложение, – пропел наигранно Лямин. – Прямо теперь и приступать?

Юля отвернулась.

– Гражданин, не лезьте с вашими тестостеронами.

Лямин завихлял телом.

– Гормонам хочется гармонии, а от тебя феррамонами воняет.

– Слушай, отвянь...

Даша сидела за партой, подперев рукой подбородок и вяло крутя ручку – бесцельно уставилась перед собой. Юля, подойдя, с размаху плюхнулась рядом, накренилась.

– Дашка, у меня идея. Мы твою последнюю песню профессионально запишем.

Даша распрямилась.

– Где? Ты в курсе, какие деньги нужны?

– Ну, не совсем профессионально – демозапись сделаем. У меня парень знакомый есть, аранжировками занимается. Нужно, чтоб он послушал.

– Что еще за парень?

– Мишкин друг... – Юля помялась. – Только это, душка-Дашка, песню я буду петь, а?

Даша недоуменно подняла плечи.

– О чем ты, Юлишна – ради бога.

Девочки вышли из подъезда, спускались с высокого крыльца. Юля застопорилась, подняла голову, рассматривая небо, поежилась. Снова, будто на велосипеде перебирая стройные ноги, павой поплыла вниз. Даша ждала на асфальте, уставилась куда-то равнодушно. Ухмыльнулась аккуратно, когда сошла подруга. Юля любопытствовала:

– Чего?

– Уж года два надписи, ничего не делается.

По другую сторону тротуара располагался высокий парапет и дальше посреди двора ухоженная, асфальтированная детская площадка, окаймленная безупречным травяным газоном и стройной чередой яблонь и лип. Орнаментные, с фантазией выложенные декоративным камнем боковины парапета смотрелись весьма симпатично. Гармоничный диссонанс вносила надпись, крупно начертанная прямо напротив подъезда – «Юля».

Объект художества беззаботно вякнула:

– А, Славка, поди, нарисовал. Делать нечего дурачку.

– Слава славный парень, – наставляла Даша.

– Да ну – нио чемный. С него кроме анализов... Да и то в жидком виде. О, Мишка!

Навстречу мелким шагом быстро приближался Миша, брат Юли.

– Привет, Дашка.

Девушка кивнула, глядя затаенно, исподлобья. Миша переместил взгляд на сестру.

– На дело не иначе?

– Ага, банк брать. Дай копейку, на кольт не хватает.

Миша привычно полез в карман, подал сотню.

– Рубль отдашь.

– Дашка отдаст, она тебя хочет.

Даша кулачком врезала Юле по плечу, пульнула:

– Дура, Юлька!

Миша отходил, от глаз побежали морщинки:

– Тогда два.

Комната Андрея – молодой человек немногим за двадцать с русыми жидкими волосами и прилежной темной щетинкой на подбородке – изобиловала музыкальной утварью: синтезатор,

электрогитара, микрофон на стойке. За столом, глядя в дисплей, сидел хозяин, возил мышкой. Он «толкался» звукорежиссером в оснащенной, считающейся одной из лучших в городе музыкальной студии, принадлежавшей известному музыканту Дедыкину. Болванку (сырую мину-совку для записи голосов) песни «Аморе» парень сделал дома: «В студии через порог ступишь – плати. Основные треки-то я здесь набросаю, у меня звуковая карта держит. А примочки, редакцию, сведение – на доброй аппаратуре, в тихушку». Соответственно перед микрофоном стояла Юля в наушниках, отрезками гоняла песню, Даша смиренно сидела в сторонке.

– Сегодня был хор? – качнул радужки в сторону Юли Андрей в одной из пауз.

– Ага.

– Я смотрю, голос теплый – на третьем дубле уже классно идет. – Он улыбнулся. –

Профи...

Через некоторое время оттолкнул мышку.

– Достаточно, есть из чего выбрать. Кода вообще клёво получилась, на высоких у тебя смачный вибрат... Бэк одной Дашей сделаем, так фирменной. Я на три партии разложил – вполне хватит.

Повернулся к Даше.

– Одень наушники...

Девочка взяла приспособление у Юли. Андрей:

– Фа шестой октавы – она самая верхняя будет. Возьмешь?

Снова подъехал к столу, тронул мышь, клавиатуру. Даша негромко попробовала взять ноту, голос сбивался. Усилила голос, звук пошел чище. Кивнула, сняла наушники:

– Угу, возьму.

– Ну, все тогда.

Юля закапризничала:

– Ой, я еще разок послушаю, так здоровски с аранжировкой получается.

Забрала у Даши наушники, надела. Андрей тюкнул по клавише, Юля начала в такт мелодии подергивать плечом и рукой.

Вечеринки случаются в нашей кучерявой жизни. В гостиной при вялом свете ночников раскованно танцевала горсть ребят. Даша в блестящем откровенном платье, с прической, в макияже выглядела не слабо – телодвижения были достойны. Партнер был Саша. Присутствовали, безусловно, Лямин, Дима, еще девчонки и парни. Юля, несомненно, отплясывала круче остальных.

Потанцевали и будя – за стол. Имело место поедание: гул, звяк, реплики. Юля встала.

– Люди, люди, заткнулись все быстро!

Подняла бокал, на киношный манер звякнула по нему вилок. Лямин на другом конце стола, не обращая внимания, что-то наговаривал Ире, долговязой девочке. Та заливалась. Юля посмотрела на ослушников повелительно, в голосе очутилась хрипотца:

– Славка, нечестивец, я русским языком говорю, щат ап!!.

Слава умолк и шутливо вытаращил на предводительницу глаза. Юля повернулась к Леше – веселились, к слову, по случаю его дня рождения.

– Короче, Леша, я тут подумала. – Резко мотнула голову в сторону Лямина, повысила голос. – Я умею, не надо, Вячеслав, на меня мыльными глазами смотреть и пытаться всякие напрасные шуточки произносить. (Возвратилась) Так вот. Шестнадцать лет тебе, Леша, очень вовремя ударило. Потому что одна особа к тебе кое-какое питает. Продавать особу я пока не стану, но терпение мое, как известно, недолгое... Нет, оно понятно, что мы все тебя любим, но эта особа довольно странным образом – не иначе, нейдет. Короче, с шестнадцати якобы можно.

– А мне уже ударило, я созрел! – возроптал Лямин.

– И совершенно напрасно трудился, – остудила Юля. – К вам, молодой юноша, особы как-то индифферентны... А если серьезно, Лешик, ты у нас самый начитанный, все мы тобой гордимся, и вообще на тебя всегда любо смотреть. Словом, поднять бокал за тебя одна приятность, этим мы теперь и воспользуемся...

Шел медленный танец, высокая Юля внушала Леше, что ему непременно надо есть морковь, поступать в юридический, поскольку ей, Юлии, это наверняка рано или поздно пригодится, и давно созрела необходимость ущипнуть, например, Катку за какое-либо пресловутое место. Тот сосредоточенно выслушивал, невразумительно поваживая корпусом и несколько неуклюже присоединив руки к телу напарницы. С Дашей танцевал Саша, увещевал:

– Дашка, вот посмотри – ты же далеко не последняя, у тебя все есть. Но какая-то... недоделанная. Давит на тебя Юлька.

Даша без обиды глядела в сторону.

– Сам ты недоделанный... И вообще, какая тебе разница? – Вскинула на парня глаза. – Вы все в Юльку влюблены, и мстите ей по всякому.

Саша подпустил:

– И ты не завидуешь.

– Нисколечко.

– Ну и дура!

Девочка обречёно и с иронией вздохнула:

– Да.

Оба засмеялись.

Вдруг зажегся полный свет. Юля несколько раз хлопнула в ладоши, привлекая внимание. Громко объявила:

– Сейчас будет премьера! Все умерли! Лешик!

Леша взял пульт музыкального центра. Юля, вытянув вперед руку, вращала указательным пальцем, направленным вниз.

– Послушайте наше с Дашкой произведение. Леша, погнажи.

Юноша направил на музыкальный центр пульт, из колонок полилась «Аморе», записанная в добротном формате. Юля, закрыв глаза, пустилась толково двигаться.

После окончания процедуры Саша стоял внимательный, даже напряженный, в руке содержалась бутылка пива. Горячо изъяснился:

– Слушайте, достойная песенка.

Присовокупился Лямин, искренне:

– Конечно лучшая музыка – это звук расстегиваемой молнии платья, но в данном случае йес. Я бы даже сказал ит из... А что значит наше? Поет, понятно, Юлька, а кто само вещество соорудил?

– Мы с Дашкой! – поспешно бухнула Юля, голубые глаза были у девочки. Кинула быстрый, несколько нервный взгляд на Дашу. Та без эмоций взглянула на подругу, медленно улыбнулась. Юля добавила сурово: – Да, мы такие, на всяки бяки ушлые. Слушайте, харэ уже, чего вы с кислыми рожками сидите!

Закружилась, повлекла за собой Лямина. Курлыккала:

– Танцы, танцы – это приказ! Лешка, дави!

Возвратился тусклый свет, запульсировали колонки, народ пустился в пляс.

Даша тихонько, бочком пробралась на кухню. Здесь достала сигарету из пачки на столе, закурила. Пускала дым в темное окно. Вошел Дима, улестил:

– Я и не знал, что ты музицируешь.

Даша чуть повернула корпус, больше голову.

– Да как же, еще в лагере говорила, что в хоре пою.

– А, ну да. Нет, я имею в виду сочиняешь... Отличная песня. Признайся, ты сочинила.

Девочка убрала взгляд:

– Мы с Юлькой, сказано же.

Дима помолчал.

– Я ведь тоже песенки пишу. Впрочем, сейчас кто не пишет.

– Знаю, ты в лагере пел свои. Мне понравилось... Всем нравилось.

– А где вы запись сделали? Качественно, блин.

– Это Юлькин друг аранжировал и записывал. Вернее, друг ее брата.

В кухню стремительно внедрилась Юля.

– Э, вы чего тут? Что за дела! Ну ты, партнер, ты же получишь сейчас, – шутливо потрясла кулачком перед носом Димы. Подпихивала его из кухни. – Резво, резво отсюда. Танцевать.

Вытолкнула парня, быстро развернулась, виновато морщилась, гладила руку подруги.

– Даш, ты на меня не злись. Такой день сегодня. Я потом все объясню. А? – душка-Дашка!

Девочка тихо клекотала смехом:

– Да не злюсь, конечно. Действуй.

Они полулежали на знакомой кушетке, Юля ластилась к Даше, гладила плечо.

– Ну зая, так захотелось поцарствовать, просто неумогу. Этот урод дома прижимает, достал уже – где мне еще оторваться... Даш, ну да, я врушка-хвастушка, так не убыло же. Мы с тобой знаем, Андрей – чего еще? И вообще, я же запись организовала. И вообще – Дима...

Почти негодующе отлипла, крутила в руках мягкую игрушку. Сопела. Даша молчала, с теплым лицом смотрела на игрушку. Юля быстро растаяла, обратно прикинула к соседке.

– Ну тренинг, Даш. Ты же на Диму не претендуешь!

– Нет, конечно.

– Ну вот... – Ополчилась. – Знаешь, в конце концов, пути господни неисповедимы – у Димы, я знаю, отец комерс крутой!.. – Увяла. – И вообще – если честно, я бы за тебя замуж вышла. – Крепко обняла Дашу, прижала к себе, захныкала: – Дашка, возьми меня замуж.

Та, смеясь, ненастойчиво выкарабкивалась из объятий:

– Да ну тебя...

Подруги вышли из подъезда, шли по тротуару. Было тухло и сумеречно. Юля поежилась:

– Конкретно непогода... Все равно дома сидеть не в жилу... Может, в беседку пойдем? – поди наши там кто.

– Пойдем.

Сзади застрекотал автомобиль. Девочки обернулись и отошли в сторону. Поравнявшись с ними, авто остановилось. Открылось окно, высунулась голова Миши:

– Эй, клюшки, садитесь, прокачу.

Юля округлила глаза:

– Ой, Миха! А что за тачка? Дашка, падаем.

Не размышляя, обогнула машину, открыла дверь. Даша неуверенно тронулась за ней. Усаживались – Даша на заднее сиденье. Авто рыкнуло, с нарастающей скоростью побежали навстречу деревья.

– Чья? – надавила Юля.

– Чья бы ты хотела? – внушительно ответствовал брат.

– Нет, ну правда!

– Приятеля.

– Врешь ведь, угнал!

Миша фальшиво вскипел:

– Что, кукушка пошла?.. – Заулыбался. – А хоть бы и угнал, на ходовые свойства это не влияет.

Юля возликовала:

– Мишка, ты дурак что ли? А поймают!

– Посижу лет десять, человеком стану...

– Суперская тачила, – с жутью резюмировала родственница.

Машина вежливо стрекотала, равномерно текли взъерошенные огни фонарей. Девушка крутилась, всесторонне и жадно ревизовала агрегат, полезла в бардачок.

– Черт, – выпростал Миша досаду.

Юля вскинула голову, вдали завиднелись гаишники, Миша подобрался.

– Не елозь, сядь нормально.

Сравнялись со стражами порядка, угрюмый сержант сделал отмашку остановиться, Миша начал притормаживать.

– Бли-ин, влипли! – известила Юля.

Миша вдруг ударил в педаль, авто рвануло. Юля крутанулась назад, с азартом подняла кулачок с вытянутым средним пальцем: «Факу вам... после обеда заходите, на прошлой неделе!» Даша тоже на секунду обернулась, испуганно тут же возвратилась обратно, сжалась.

Умело, на выражах обошли вереницу машин, Юлька восторженно визжала. У Даши, перепуганной сначала, появился в глазах бравый блеск. Парень, тем временем, круто повернул во двор – свистела резина на поворотах. Въехали в массив металлических гаражей. Аккуратно остановились подле одного открытого – в чреве за импровизированным столиком из табуретов, грубо и опасно выглядя в тусклом свете боковой лампы, резались в карты несколько взрослых парней и мужиков. Миша вышел из авто, пошагал внутрь сооружения.

Что-то толковал толстому кавказцу, сидящему с картами. Тот грозно махал руками, лопотал громко, но непонятно, остальные сидели молча и неподвижно, уставились на собеседников. Один из игроков, облезлый, без возраста, добавил слова, неразличимые, но хрипло-тонкие – неприятные, наверняка. Миша повернулся к нему резко, физиономия стала жуткой, рука загуляла, достаточно четко зазвенело:

– Ты вообще заткнись, пес! В собесе будешь разговаривать по записи!

Ханурик сразу уронил голову, уткнулся в карты. Даша вжала голову в плечи, глаза от сцены оторваться не могли. Кавказец заговорил громче и злей. Миша опустил голову, смотрел в пол, обострился нос. Поднял голову, пренебрежительно отмахнулся, развернулся и двинулся к автомобилю. Все в гараже, кроме толстяка, смотрели вслед – казалось, что-то должно произойти. Нет. Миша, красный, с узкими глазами, сел. Отъехали, признаем, немного дергано. Уже когда выбрались из массива на асфальт, Юля, напряженная до того, откинула голову на сиденье, протянула с приклатненной интонацией:

– Чё там Резо вайдосит?

Брат поделился с задержкой:

– А... пошел он...

Машина потекла ровно и быстро. Водитель включил радио, улыбнулся сестре – лицо было совершенно нормальным – беспрекословно известил:

– Едем в «Три пескаря», я вас коктейлем угощу.

Юля радостно заерзала, разжилась мыслью:

– Миш, а соточку параллельно на чипсы. Нет, две.

Брат посмотрел, ласковая хитринка содержалась в поступке.

– Сто двадцать.

– Сто восемьдесят!..

Народу в заведении было не густо. Миша привычно прошел в мало освещенный угол зала, крепко сел, далее в отличие от девочек осмотром населения не затруднился, уткнулся в столешницу – гуляли мысли. Подошла тонконогая и густо накрашенная официантка с приятными зубами. Клонилась к человеку сверх должностных полномочий, доверительно докладывала, убирая предполагаемую соринку с чистого плеча парня:

- Сегодня тобой Кулема интересовался.
- Он подойдет? – без выражения спросил Михаил.
- Не знаю. Но что знаю – скажу. – Взмах ресниц.

Девочки сидели при коктейлях, пирожном – перед Мишей существовал графин с водкой, какая-то еда. Подошел развязный молодчик, бесцеремонно косился на девочек.

- Мишняк, тут цинканули – ты при лавэ. Пятихатку до когда-нибудь.

Миша достал деньги, подал. Тот не удовлетворился:

- А ляли справные, подгружусь не в кипешь?

Добрjak соблаговолил:

- Быстренько отсюда ушел. Пока в чухло не ударил сильно.

Товарищ прокалился:

- Да о чем ты – я воспитанный!

Потопал прочь. Юля с театральной брезгливостью проводила персону взглядом.

- Чё за даун?..

Цепкий свет фар осветил высокое крыльцо перед домом Юли. Сестра водителя изложила претензию:

- Мишка, ты Дарью до дома доставишь?

Даша сопротивлялась:

- Ну зачем, я доберусь.

Миша лениво вякнул:

- Сиди, довезу... – Повернулся к ней. – Садись вперед.

Юля резво выскочила из машины, открыла заднюю дверь.

- Пересаживайся.

Даша неуверенно попеняла:

- Какая разница, мне и здесь удобно.

- Да чего ты, Дашка, садись вперед. Что ты как не своя!

Девочка нерасторопно пересаживалась, Юля участливо наблюдала. После окончания дела наклонилась в салон:

- Миха, только без борзоты, она целка. Я проверю.

Даша отчаянно, но слабо возопила:

- Юлька!

Та, смеясь, хлопнула дверью. Миша фыркнул мотором, тронулся.

Автомобиль стоял неподалеку от подъезда, где жила Даша. Искрились фонари, блеснул мокрый асфальт. Ветерок теребил оципаные ветви деревьев, на мокром стекле туго елозили змейки электрических отблесков. Миша задумчиво вперился в лобовое стекло. Из приемника шла лирическая английская песня. Молодой человек задумчиво произнес:

– Странно все-таки – осень. Грязь, прохладно и сыро. Тоскливо, уныло. А подкожно, щемяще... странно.

Даша смотрела на парня, похоже, с нее сошла скованность.

- Миш, а почему ты институт бросил?

- Закрутился, веселой жизни откусил. Да и зачем это – учеба. У меня цели нет.

- Это теперь нет. Потом будет – цель, говорят, дело наживное, отсюда драгоценное.

Миша повернулся к Даше.

– Чушь. Достигнуть цель – значит убить мечту, а мечта дороже, ибо всемогуща... – Отвернулся, подумал. – Впрочем, наоборот – дешёва... – Закашлялся больно, нехорошо. Отпустило. – Настоящая цель достается либо дуракам, либо гениям. Да и то, считается, что гений цель не видит. Я ни то, ни другое... Юлька вот дура, у нее есть цель.

- Но как же, построить дом, все такое...

- Это моменты самореализации.

Полежала тишина. Даша не выдержала:

– А какая у Юльки цель?

Миша снова повернулся, с мягкой улыбкой.

– Славная ты, Дашка... Дар я. Ощущаешь себя даром?

Девочка качнула головой.

– Даром ощущаю... только это даром.

Оба коротко усмехнулись. Миша неотрывно смотрел на пассажирку. Она замигала, убрала взгляд, тут же снова устремила на парня. Он поднял руку, завел локоть за ее плечи. Ладонь оказалась над затылком, мало не касалась. Водил пальцы над волосами, затем ласково тронул, перебирал. Напряжена была девочка. Миша наклонился, потянулся губами. Даша чуть отклонила голову, но замерла, глаза закрылись. Водитель прикоснулся.

Юля распахнула глаза, тело плавало в уютной, ватной дреме. Рука чуждо мазнула scom-канную рубашку. Тупо сидела на горшке, – душ, чистила зубы. Лицо в зеркале молчало, какой-то посторонний человек. Однако разлепились губы, побежала клейкая стрелка. Юля помигала, скорчила рожу – черт, как ни притворяйся, а прелесть девка. Я этих уродов... Кого? – Всех. Блин, хорошо жить... Зажурчала вода из чайника – замечательно. Ткнулась в стекло кухонного окна, привычно лежала лента улицы. Проскользнула матовая, игрушечная ауди – ведь сидит же какая-то мудёшка. Погоди у меня. Очаровательно пестрел павшим листом газон, из окна урчало, сочилась вялая свежесть. Подняла голову – ласково улыбалось хмурое небо. Не вытертая капелька просочилась меж ресниц, замешала. Юля сомкнула веки, нежно их тронула, ладонь затем опустила, легла на щеку – кожа была нежной и доступной. Господи, какое волшебство. Кто-то будет пить это чудо, и вывернет тело, забыв о долге и остальном... Крякнул рядом попугай. Девочка прильнула к клетке, просунула палец. «Леша, Лешечка». Отщипнула от яблока, вставила ладошку, птица размашисто кивнула, судорожно мотнула головой. «Лешка, леший» – любовно укорила хозяйка. Взор, не видя, потек мимо... Черт, стрём в старой куртке идти – отец за несурзное поведение в новье отказал. Он, само собой, поплывет, но недельку придется терпеть. Еще Трипперная Венера наверняка спросит – неминуюемо кол. Да и болт на нее. Зато есть Дашечкин-вкуснятка. Господи, сколько в жизни предстоит, и все мое! Чё-та как-то мало в ней, какая-то она не размашистая.

И вообще, Славку она правильно два года назад оприходовала. Нормально получилось, чувствительно. Это неплохо, когда ты, а не тебя. А как он потом горд был, как важен. До боли было восхитительно смотреть на мужскую глупость. «Ты, Лямин, забудь истекшую жизненную подробность», – за такие слова можно пожертвовать. Как корчился, как сладко и мучительно было смотреть на погибающего человека. Оправился, надо отдать должное, даже по чушке залепил разок. Как взрослый – это ли не чудо. Еще раз уступила по случаю. И обратно – отвали. Доставал, понятно, пришлось брату сказать. Миха кулаком тому сопатку курносил, суровым тоном вразумлял... А нефиг!.. Нда, в школу идти, трусы протирать – на кой. Ну да так устроено.

В комнате находились: родители Даши, чуть сивый, худой, стильно одетый и суетливый дядя Женя, противоположный Олег Иванович, Даша и Юля. Стол был уставлен. Мама Тоня мельтешила в кухню и обратно, меняя блюда и посуду. Традиционно вел посиделку дядя Женя:

– Бизнес, политика – это организация, по гамбургскому счету, спекуляция. Даже писательство... Музыка, ну, может, еще поэзия – вот творчество. Ибо они телесны, бездумны. Полагаю, тебе это трудно понять. По крайней мере, мне. Это я для вящей убедительности.

Обращался к Даше, а говорил, вне сомненья, папе Юре. Потому добавлял:

– Проблема в свободе, а сие мечта и выбор. Выбор именно предопределен умением мечтать. Но не каждый разберет разницу между мечтой и целью. Отсюда возникает феномен овла-

дения. Власть. Музыка – то из вещей, что решает проблему, ибо только здесь можно создавать, а не выбирать.

Дядя Женя стоял подле открытой двери на балкон, курил в нее трубку, излагал:

– На живот я рэпистую трескотню не приемлю, но разумением снисхожу. Я, Дашка, нахожу в хипхопах некий знак. Примат слова. Тут именно та поэзия, где физиологическая составляющая, а навязчивый ритм не что иное, доведена до обнаженного состояния.

Возник Олег Иванович:

– Спорно, однако. Боюсь, что физиология как раз обесцвечивает смысловую ткань. Заметь, в англазированной легкой музыке слово побочно. Это часть аранжировки. Вникни-ка в тексты тех же битлз – как теперь говорят, дрова... Русская же языковая конструкция на современные ритмы вообще не ложится.

Дядя Женя возражал:

– Насчет русского – имею поразговаривать. И относительно запада не скажи, я послушал тексты... – Посмотрел на Дашу. – Снуп-дог, так кажется? Озорно, подкорочно.

Втемяшилась Юля:

– Ой, дядь Женя, вы такой продвинутый!

Продвинутый отвечивал:

– Я, Юлик, в свое время очень даже интересовался. Собственно... – Легла замысловатая пауза. – И потом, продвинутость – она здесь (потюкал себя пальцем по голове), а не на эмтиви.

Уронила терпкое слово мама:

– Вы в курсе, что дети сварганили запись? Фабрика, на мой пристрастный взгляд, отдыхает. Дашуля, поставь.

Дочь расстроилась:

– Ой, мама, ну зачем это!

Дядя Женя рявкнул:

– Молчать, отрочё! – Ткнул пальцем в музыкальный центр. – Немедля!

Когда отзвучали последние ноты и мама выключила звукосниматель, папа Юра принялся напряженно исследовать лица присутствующих. Олег Иванович деликатно крутил в зубах палочку. Дядя Женя медленно и задумчиво ступал по комнате. Оповестил:

– На мой слух более чем вполне.

Откликнулся Олег Иванович:

– А что, Даша – стезя.

Та, сидевшая несколько скомкано, испуганно расправилась.

– Да прямо! Ребенок знает, без денег нынче близко не подпустят.

Дядя Женя набивал трубку.

– Не всегда – есть удача. В нужное время, в нужном месте – американцы в этом толк понимают. – Он остановился, внимательно смотрел на девочек. – А вы что же, сразу в звезды намылились?

Разогрето вступил папа Юра:

– Несомненно, удача. Только надо понимать, что она такое. А удача – суть высокая вероятность. Аксиома – чем больше затрат, тем выше вероятность. Так что трудиться надо, дорогуша.

Мама обиделась:

– Ну чего вы, ей бог. Дашечка у нас совсем не лодырь.

Папа Юра сконфузился:

– Да я так – теоретизирую.

Олег Иванович запальчиво изрек:

– Жизнь – борьба!

Дядя Женя подобрался, в глазах юркнули нервные сполохи:

– Вы, чадушки, намертво втемящите в башку вот что – мир несправедлив. Какой бы потенциал в вас не содержался, как бы вы не пластались, успеха можете не добиться... Их успешных-то – на десятки тыщ один, популярность я имею в виду, а желает – каждый пятый... Но. Если гуляет кровь, если томится нерв, дуйте на искру. Здесь и лежит вероятность... – Он задумался, печально заключил: – И вообще... успех – штука эфемерная. Стремление дороже.

Даша виновато открестилась:

– Какой успех, о чем вы, дядь Женя. Так, для себя.

Юля вдруг расправилась, на щеках образовались пятна.

– И ничего не для себя! Именно популярность!

Сникла тут же, кучерявый локон качнулся. Взрослые улыбались. Папа Юра пустился есть неловкую паузу – не без игры:

– Надеюсь, после шампанского это не покажется банальным. Ну успех, в чем цимес – почести, восхищение? Понимаю, очень приятно. Либо все-таки смак деяния, возбудить в человеке эмоцию. Реализация... Вот оно! В таком разе много приложить надобно. Кроме таланта ибо – мастерство потребно. Таковое нарабатывается. А то мелькают на экране пушинки, не то что в части обладания талантами непогрешимые, но и мастерством унылые.

Все молчали, негустые улыбки держались на лицах. Дядя Женя, однако, посуровел, поднял голову. Впрочем, взгляд так и остался безадресный. Закручинился:

– Знаете, а ведь я мечтал в свое время. Именно об успехе на эстраде... У меня даже идея имелась – группа под названием «Детки и папы»...

Пыхнул трубкой, сморгнул туман в глазах, возникла дикция:

– Концепция следующая. Известно, что подросток чутка не валовый потребитель муз-продукции. При этом – маргинал, во всяком случае, конфликт со старшими – дело известное. Отсюда и пляшем!.. Вообразите: на сцене шесть человек, три девочки лет этак пятнадцати-шестнадцати, и мужички – папы. Детки на авансцене, папы – бэквокал, задний план... Поведение первых, пластический, игровой ряд нагловатые, слегка эпатирующие, с подчеркнутым пренебрежением к бэку. На полную демонстрация самостоятельности, даже превалирующей роли «деток» – вэри, я полагаю, психотропная для подростка весч... Мускулистый саунд, плотная энергетика. Дерзкие тексты – когда при папах, это было бы фишкой!.. – Поник. – Нда... – Поднял голову. – Сбачай-ка нам, Дашьё, Шопена этюд. Третьего дня изрядно ты ввинтила...

Улица была чревата передвижениями, погодой, прочими излишествами, Юля и Даша бесшабашно брели. Неучтиво шипели автомобили, народ состоялся уныл от досадливой необходимости донашивать демисезонное, сорочье, обсадившее лысые деревья, докучливыми жалобами озвучивало скверный натюрморт. Даша вправила под шапочку волосы, взор приобрела рассеянный, тон ударил сухонький:

– Знаешь, а я ведь правда статью написала... Помнишь, летом на вокзале работала в магазине? – мне нравилось за людьми наблюдать. Столько впечатлений накопилось – я выложила. Не знаю, пойдет ли... Только чур ты сама понесешь, я в редакцию не сунусь.

Юля не очень слушала, взгляд держался строго перед ней, был непрост. У Даши загуляла рука, поднятая кисть постоянно виляла.

– Знаешь, можно еще статью о художниках сделать. У папы много знакомых, я часто с ними разговариваю. Там один есть, Аникей – такой забавный. Он все загадками да афоризмами изъясняется. Индус, созерцающий лотос, не видит перед собой крокодила!.. Мне кажется, может получиться... Вообще говоря, и о нашем хоре не грех написать. В Калифорнию поездка какая сильная вышла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.